

МИРА ЛИНЧ

СЫН ПОДРУГИ
Нарушая запреты

Мира Линч

Сын подруги. Нарушая запреты

«Литнет»

2026

Линч М.

Сын подруги. Нарушая запреты / М. Линч — «Литнет», 2026

Когда-то он был просто мальчиком, сыном её лучшей подруги — ребёнком, которого она видела взрослеющим на протяжении многих лет. Она была частью их семьи, доверенным человеком, почти родной. Но время изменило всё: мальчик вырос, а вместе с ним изменились и её чувства.

© Линч М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Встреча в аэропорту	5
Глава 2. Отражение в зеркале	10
Глава 3. На грани	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1. Встреча в аэропорту

Шум аэропорта всегда действовал на Анну успокаивающе. Этот равномерный гул голосов, объявления о рейсах, стук колёс чемоданов по плитке — всё это создавало иллюзорное ощущение упорядоченности мира, где каждая секунда расписана, а каждый пассажир знает своё место. Она стояла у стеклянной стены, глядя, как заходящее солнце окрашивает взлётную полосу в оттенки меда и старого золота, и пыталась убедить себя, что пять лет — это не такой уж большой срок.

Пять лет. Сколько всего изменилось за это время в её жизни, и как мало, оказывается, изменилось в самом главном.

Анна поправила лёгкий шарф на плечах, ощущая, как тонкая ткань скользит по коже, и перевела взгляд на поток людей, выходящих из зоны прилёта. Сердце билось ровно, спокойно — она давно научилась контролировать этот предательский ритм, когда речь заходила о нём. О том мальчике, который когда-то бегал по её квартире босиком, требуя, чтобы она объяснила ему правила какой-нибудь новой компьютерной игры. О том подростке, который впервые поцеловал девочку на её глазах и покраснел до корней волос, когда она случайно застала этот момент. О том юноше, который уезжал в другой город поступать в университет и обещал обязательно писать.

Он не писал. Только редкие открытки на праздники, которые передавала через свою мать, её лучшую подругу Ирину. Короткие, сухие сообщения в мессенджерах — «Как дела?», «Всё хорошо». И Анна каждый раз заставляла себя отвечать так же сдержанно, хотя пальцы дрожали над экраном телефона, а внутри всё сжималось от странного, непозволительного чувства.

— Тётя Аня!

Голос раздался совсем рядом, и она вздрогнула. Обернулась и замерла.

Он стоял в трёх шагах от неё, и в первое мгновение она просто не узнала его. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, чуть длиннее, чем она помнила, и с такой открытой, яркой улыбкой, что у неё перехватило дыхание. Он был красив той особенной, немного дерзкой красотой, которая всегда привлекала её внимание в других мужчинах, но сейчас это было почти невыносимо — видеть её в нём.

— Максим, — выдохнула она, чувствуя, как её собственный голос звучит слабо и неуверенно.

Он подошёл ближе и без всякой неловкости обнял её, и Анна ощутила, как её пронзает волна жара от этого прикосновения. Его руки лежали на её спине, сильные и уверенные, а грудь касалась её плеча, и она чувствовала тепло его тела сквозь тонкую ткань своей блузки. Как же она могла забыть этот запах? Древесный, с лёгкими нотками цитруса и ещё чем-то таким родным, что у неё перехватило дыхание.

— Ты не изменилась совсем, — сказал он, отстраняясь, и его глаза скользнули по её лицу с такой откровенной нежностью, что Анна почувствовала, как краска заливает щёки. — Совсем. Те же глаза, та же улыбка.

— Глупости, — она попыталась улыбнуться привычной, спокойной улыбкой, но вышло натянуто. — Пять лет — это большой срок. Ты же видишь, у меня уже седина.

Она коснулась своих волос у висков, хотя прекрасно знала, что там нет никакой седины. Просто нужно было сказать что-то, что разрушило бы это странное напряжение между ними, эту электрическую искру, которая пробегала по воздуху.

— Нет, — покачал он головой, и в его взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти ласковое. — Ты стала ещё красивее. Это правда.

Анна заставила себя отвести взгляд. Нельзя смотреть на него так долго. Нельзя позволять этим словам проникать в сердце, потому что за ними — ничего. Только вежливость, только память о том, что она для него — «тётя Аня», старшая подруга его матери, почти родственница.

— Ирина ждёт нас, — сказала она, стараясь говорить как можно спокойнее. — Она хотела приехать сама, но у неё важная встреча. Просила передать, что очень скучала.

— Мама написала, — кивнул Максим, подхватывая свой чемодан. — Она говорила, что ты помогаешь ей с ремонтом. Это так мило с твоей стороны.

— Она моя лучшая подруга, — Анна пожала плечами, чувствуя, как в груди разливается знакомое, почти болезненное тепло. — Я всегда готова помочь.

Они пошли к выходу из аэропорта, и Анна поймала себя на том, что смотрит на его походку — уверенную, свободную, с той лёгкой пружинистостью, которая была свойственна спортсменам. Она знала, что он занимался плаванием в университете, что даже получил какой-то разряд, но сейчас видела это собственными глазами. Каждое его движение было наполнено силой и грацией, и это завораживало.

— Пять лет, — сказал он, когда они вышли на парковку, и его голос прозвучал тихо, почти задумчиво. — А кажется, будто вчера мы сидели на кухне, и ты объясняла мне, как отличать хорошее вино от плохого. Помнишь?

Анна засмеялась — коротко, нервно, потому что воспоминание нахлынуло внезапно и слишком ярко. Ему тогда было восемнадцать, и он пришёл к ней с бутылкой дешёвого вина, купленного в ближайшем супермаркете, и такой серьёзностью в глазах, что она не удержалась от улыбки. Тогда она ещё могла смеяться над этим, могла относиться к нему как к ребёнку, который пытается казаться взрослым.

Сейчас он больше не казался. Он был взрослым. Настоящим. И это пугало её до дрожи в коленях.

— Ты тогда обиделся, что я назвала твоё вино «порошковым», — сказала она, открывая дверь машины. — И купил нормальное на следующий день.

— Потому что хотел произвести на тебя впечатление, — ответил он, и его голос был таким ровным, таким спокойным, что Анна замерла. — Ты всегда была для меня кем-то особенным, Аня. Ты знаешь.

Сердце пропустило удар. Она почувствовала, как кровь приливает к лицу, а руки, сжимающие ключи, начинают дрожать. Как он посмел сказать это? Как он посмел разрушить хрупкую иллюзию обычности, которую она так старательно выстраивала все эти годы?

— Максим, — она повернулась к нему, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, почти строго. — Я старше тебя на шестнадцать лет. Я — подруга твоей матери. Я видела тебя ребёнком. Не говори таких вещей.

Но он не отвел взгляда. Наоборот, он сделал шаг ближе, и теперь между ними было всего несколько сантиметров воздуха, пропитанного его запахом, его теплом, его уверенностью, от которой у неё подкашивались ноги.

— Я знаю, сколько тебе лет, — сказал он тихо, почти шёпотом, и каждое его слово падало ей в душу тяжёлыми, горячими каплями. — Я знаю, кто ты для моей мамы. Я знаю всё, что ты можешь сказать мне прямо сейчас, чтобы оттолкнуть меня. Но я также знаю то, о чём ты молчишь. То, что ты никогда не произносишь вслух. Я видел это в твоих глазах пять лет назад, когда уезжал. И я вижу это сейчас.

Анна вдохнула — глубоко, судорожно, пытаясь собраться с мыслями. Где-то внутри неё боролись две женщины: одна — разумная, взрослая, которая знала все правила и понимала, какую пропасть она рискует разверзнуть под своими ногами; и другая — та, что просыпалась по ночам и вспоминала его улыбку, его смех, его руки, которые однажды, пять лет назад, на мгновение сжали её ладонь на прощание, и этот жест сказал ей больше, чем все слова, которые он мог произнести.

— Мы не будем это обсуждать, — сказала она, и её голос дрогнул, но она заставила себя продолжить. — Садись в машину. Мама ждёт. Не заставляй её волноваться.

Он улыбнулся — той странной, почти печальной улыбкой, которая так шла его лицу, и кивнул. Ни слова больше. Он просто сел на пассажирское сиденье, и Анна, садясь за руль, чувствовала его взгляд на своём затылке, ощущала его присутствие в замкнутом пространстве салона как что-то почти осязаемое, тёплое и опасное.

Когда она завела двигатель, её руки всё ещё дрожали. Она сжала руль сильнее, впиваясь пальцами в кожу, и заставила себя дышать ровно. Восемь минут до дома Ирины. Восемь минут, чтобы прийти в себя. Восемь минут, чтобы вспомнить, кто она и кто он.

Но память подводила её. Вместо того чтобы думать о правилах, она думала о том, как он смотрел на неё в аэропорту, — и в этом взгляде не было ничего от того мальчика, которого она знала. В нём был взрослый, сильный мужчина, который точно знал, чего хочет. И это знание пугало её до глубины души.

— Аня, — сказал он внезапно, когда они выехали на трассу, и его голос был мягким, почти просящим. — Я не хочу, чтобы между нами было неловко. Просто знай, что я не был с тобой откровенен тогда. Пять лет назад. И это было ошибкой. Я не хочу повторять её сейчас.

Она молчала, вцепившись в руль, и чувствовала, как по спине пробегает холод. Пять лет назад. Она помнила тот день так отчётливо, будто это случилось вчера. Помнила его глаза, когда он садился в такси, — в них было что-то, что она тогда не позволила себе увидеть. И то, как он взял её за руку и сжал её, прежде чем захлопнуть дверь. Как она стояла на тротуаре и смотрела вслед уезжающей машине, а внутри неё разливалось странное, тягучее чувство, которое она не смела назвать своим именем.

Она не смела тогда. Не смеет и сейчас.

— Максим, — начала она, но он прервал её.

— Не говори ничего, — сказал он, и в его голосе послышалась сталь. — Просто знай. Я не тороплю тебя. Я не требую ответа. Я просто хочу, чтобы ты знала.

Сердце билось где-то в горле, и Анна чувствовала, как предательская влажность застилает глаза. Она сжала зубы, заставляя себя не разреветься. Она взрослая женщина, у неё есть муж, дом, работа — стабильная, скучная, правильная жизнь. Она не имеет права на это. Не имеет права чувствовать то, что чувствует, когда он рядом.

Машина плавно въехала во двор знакомого дома, и Анна выдохнула с облегчением, когда увидела фигуру Ирины на крыльце. Спасение. Её лучшая подруга, её опора, её совесть, которая всегда говорила ей, что правильно, а что нет. Ирина знала всё. Знала, что Анна в последнее время стала замкнутой, что она часто смотрит в одну точку и задумчиво улыбается. Но она не знала главного. И никогда не узнает.

— Мама! — Максим выскочил из машины, и Анна смотрела, как он бежит к ней, как обнимает её, как она смеётся и плачет одновременно. Семья. Они — семья. Она — лишняя в этом уравнении, посторонняя, почти чужая.

Ирина обернулась и помахала ей рукой, приглашая присоединиться к их объятиям, и Анна заставила себя улыбнуться. Она вышла из машины, чувствуя, как вечерний ветер овеивает её разгорячённое лицо, и пошла к ним.

— Ну, вы как? — спросила Ирина, обнимая её. — Всё нормально? Максим тебя не достал в дороге?

— Всё отлично, — ответила Анна, стараясь, чтобы её голос звучал ровно. — Он был само очарование. Как всегда.

Максим усмехнулся, и в его усмешке было что-то такое, что заставило её сердце снова пропустить удар. Он смотрел на неё поверх головы матери, и в этом взгляде читалось обещание. Обещание, которое она боялась и хотела одновременно.

— Ну, заходите, — сказала Ирина, беря их обоих под руки. — Я приготовила ужин. Всё, как ты любишь, Аня. И Максим, ты тоже всё своё любимое найдёшь. Скучала я по вам обоим.

Они пошли в дом, и Анна чувствовала, как рука Максима, случайно касаясь её руки, обжигает кожу. Она отодвинулась, стараясь держать дистанцию, но он снова нашёл способ оказаться рядом. На ступеньках крыльца, в коридоре, за столом — везде.

Когда они сели ужинать, и Ирина принялась рассказывать последние новости, Анна поймала себя на том, что смотрит на его руки. Сильные, с длинными пальцами, с той тонкой сеткой вен, которая появляется у тех, кто занимается спортом. Она представила, как эти руки касаются её лица, как проводят по плечам, и тут же отогнала этот образ, чувствуя, как краска заливает щёки.

— Аня, ты чего такая красная? — спросила Ирина. — Жарко? Открой окно, Максим.

Он встал и подошёл к окну, и Анна видела, как его спина напрягается под тонкой тканью футболки. Она сглотнула, чувствуя, как пересыхает в горле.

Это будет тяжело. Тяжелее, чем она могла себе представить. Но она справится. Она должна. Потому что ставки слишком высоки, чтобы позволить себе проиграть.

Ночь опустилась на город, и Анна сидела на веранде, глядя, как двор освещается мягким лунным светом. За спиной слышался смех Ирины и голос Максима — они обсуждали что-то в гостиной, и этот звук наполнял дом жизнью, уютом, тем, чего ей так не хватало все эти годы.

Она закрыла глаза и позволила себе на мгновение забыть обо всём. О возрасте, о дружбе, о долге. Просто сидеть в тишине и чувствовать, как ветер касается её лица. Как звезды мерцают на тёмном небе. Как сердце бьётся ровно и спокойно, потому что он рядом. Даже если это неправильно. Даже если завтра она снова наденет маску спокойной, уравновешенной женщины, которая знает своё место. Сегодня она позволила себе просто быть.

Дверь веранды скрипнула, и она услышала его шаги. Не оборачиваясь, она знала, что это он. По лёгкой поступи, по дыханию, по тому, как воздух вокруг неё вдруг наполнился его запахом.

— Ты всегда любила смотреть на звёзды, — сказал он, садясь рядом. — Помню, как мы сидели на крыше твоего дома, и ты показывала мне созвездия.

— Ты был тогда маленьким, — тихо ответила она, не открывая глаз.

— Я никогда не был маленьким в твоём присутствии, — возразил он, и в его голосе прозвучала та же сталь, что в машине. — Ты видела меня ребёнком, но я никогда им не был рядом с тобой. Ты всегда заставляла меня хотеть быть взрослым. Ради тебя.

Анна открыла глаза и повернулась к нему. В темноте его лицо казалось вырезанным из лунного света — резкие скулы, твёрдая линия челюсти, глаза, которые смотрели на неё с такой открытой, пугающей нежностью, что у неё сжалось сердце.

— Не надо, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказал он, и его голос дрогнул. — Я знаю это уже пять лет. Я не хочу больше ждать. Я не могу больше притворяться, что между нами ничего нет.

Он протянул руку и коснулся её щеки, и это прикосновение было таким лёгким, почти невесомым, что Анна замерла. Она чувствовала тепло его пальцев на своей коже, чувствовала, как он скользит по линии скулы, спускается к подбородку, приподнимает его.

— Максим, — выдохнула она, и это было предупреждением. И мольбой. И чем-то ещё, чему она не смела дать имя.

— Я не требую от тебя слов, — сказал он, наклоняясь ближе. — Я просто хочу, чтобы ты знала. Я люблю тебя. Я любил тебя всегда. И я не отступлю. Что бы ты ни сказала, как бы ни пыталась оттолкнуть меня.

Его дыхание касалось её губ, и Анна чувствовала, как внутри неё всё сжимается и разжимается, как сердце колотится о рёбра, как кровь стучит в висках. Она должна была сказать

«нет». Должна была отстраниться, встать и уйти, хлопнув дверью. Должна была напомнить ему, кто она.

Но вместо этого она смотрела в его глаза и видела в них своё собственное отражение. Свои желания. Свои страхи. Свою любовь, которую она так долго прятала.

— Я не могу, — прошептала она, и её голос сорвался. — Ты понимаешь, что я не могу?

— Я знаю, — ответил он, и улыбнулся той улыбкой, которая сводила её с ума. — Но я никуда не уйду. Я буду ждать столько, сколько нужно. Я здесь. И я никуда не уйду.

Он убрал руку, и Анна выдохнула, не понимая, разочарована она или облегчена. Они сидели в тишине, глядя на звёзды, и между ними было расстояние в несколько сантиметров, которое казалось больше пропасти. И в то же время она чувствовала, как это расстояние заполняется чем-то новым, сильным и опасным, что разрушало все её защиты.

Когда они вернулись в дом, Ирина уже засыпала на диване, и Максим улыбнулся, глядя на неё.

— Ты останешься ночевать? — спросил он тихо, чтобы не разбудить мать.

— Нет, — покачала головой Анна. — Мне нужно домой.

— Я провожу, — сказал он, но она остановила его жестом.

— Не надо. Я сама.

Она взяла ключи и вышла, чувствуя на себе его взгляд. Когда она садилась в машину, она видела его силуэт в окне, и внутри неё всё переворачивалось от странного, щемящего чувства.

Она завела двигатель и поехала в ночь, зная, что это только начало. Что самое сложное впереди. И что она не знает, хватит ли у неё сил устоять перед тем, что она так долго отрицала.

Глава 2. Отражение в зеркале

Утро пришло серым и тягучим, как расплавленный свинец. Анна лежала в постели, глядя в потолок, и чувствовала, как каждая клетка её тела протестует против необходимости вставать, одеваться и делать вид, что жизнь продолжается как обычно. За окном моросил дождь — мелкий, противный, тот самый, что проникает под одежду и заставляет дрожать даже тех, кто привык к холоду. Она закрыла глаза и снова увидела его лицо, освещённое луной, услышала его голос: «Я люблю тебя».

Эти слова звучали в её голове снова и снова, как заевшая пластинка, и от них невозможно было избавиться. Она провела рукой по лицу, чувствуя, как кожа горит, и заставила себя сесть. Рядом, на соседней подушке, спал её муж — Сергей, крупный мужчина с сединой в волосах и вечно уставшим лицом. Он был хорошим человеком. Надёжным, спокойным, предсказуемым. Именно таким, каким должен быть муж для женщины её возраста. И именно поэтому она чувствовала себя предательницей, когда думала о Максиме.

Она встала, стараясь не шуметь, и прошла в ванную. Зеркало отразило женщину, которая казалась ей почти чужой — бледное лицо, круги под глазами, волосы, растрёпанные после бессонной ночи. Анна провела пальцами по своему отражению, и ей показалось, что она видит в нём что-то новое. Что-то, чего не было вчера. Словно Максим своим прикосновением оставил на ней невидимую отметину, которая теперь проступала сквозь кожу.

Она включила воду и умылась, пытаясь смыть с себя это наваждение. Холодные струи обожгли лицо, и она выпрямилась, глядя на своё мокрое отражение. Всё будет хорошо. Она просто переживёт это. Как переживала всё в своей жизни — с достоинством, молча, без единой жалобы. Она умела терпеть. Наверное, это было её главным талантом.

Когда она вышла из ванной, Сергей уже проснулся и сидел на кухне с чашкой кофе. Он поднял на неё глаза, и в его взгляде не было ни подозрения, ни тревоги — только привычная усталость человека, который слишком много работает и слишком мало отдыхает.

— Ты поздно вернулась, — сказал он, и его голос прозвучал глухо. — Всё в порядке?

— Да, — ответила Анна, садясь напротив. — Ирина просила помочь с ремонтом, засиделась. Извини, что не предупредила.

Сергей кивнул, не задавая лишних вопросов. Он всегда был таким — принимал её слова за чистую монету, верил ей безоговорочно, даже когда она лгала ему в лицо. Анна чувствовала себя чудовищем, глядя на его простодушное лицо, и в то же время где-то глубоко внутри неё закипала злость. Злость на себя, на него, на то, как всё это выглядело со стороны. Она не хотела быть предательницей. Но она также не хотела жить жизнью, в которой нет места страсти, огню, тому, что заставляло её сердце биться быстрее.

— Максим приехал, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты ведь помнишь его? Сын Ирины.

Сергей на мгновение задумался, а потом улыбнулся — той редкой, почти детской улыбкой, которая иногда появлялась на его лице.

— Конечно, помню. Мальчуган такой был, вечно в футбол гонял во дворе. Как он? Вырос уже?

— Вырос, — ответила Анна, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Он теперь высокий, красивый. Настоящий мужчина.

Она сказала это слишком искренне, слишком эмоционально, и тут же пожалела, когда увидела, как Сергей поднимает на неё глаза. В них промелькнуло что-то неуловимое — то ли удивление, то ли тревога, — но он быстро справился с этим и снова улыбнулся.

— Наверное, я должен сходить к Ирине, поздороваться, — сказал он. — Давно не виделись.

— Да, конечно, — кивнула Анна, и внутри неё всё оборвалось. Если Сергей придёт, она не сможет прятать свои чувства. Она не сможет смотреть на Максима так, как смотрела вчера. Это будет катастрофа.

Но она ничего не сказала. Она просто встала из-за стола и пошла одеваться, чувствуя, как сердце колотится о рёбра с такой силой, что, кажется, этот стук слышен на всю квартиру.

День пролетел как в тумане. Анна работала над отчётами, отвечала на письма, разговаривала с коллегами, но всё это казалось каким-то нереальным, будто она смотрела на свою жизнь через мутное стекло. Каждые пять минут она ловила себя на том, что смотрит в телефон, проверяя, не пришло ли сообщение от Максима. Сообщений не было. И это молчание было хуже любых слов, потому что оно заставляло её гадать, что он думает, что он чувствует, решил ли он, что вчерашнее было ошибкой.

К обеду она не выдержала и написала Ирине. Просто так. Спросить, как дела, как прошёл вечер. Она не спрашивала о Максиме, но когда подруга ответила, что они завтракали втроём и Максим много рассказывал о своей жизни в другом городе, Анна почувствовала странное облегчение. Он был там. Он был рядом с матерью, он не исчез, не улетел обратно. Он был здесь, в этом городе, и это одновременно радовало и пугало её.

Она вышла из офиса в шесть вечера, и дождь всё ещё лил, как будто само небо оплакивало что-то, что Анна не могла понять. Она стояла под навесом, глядя на потоки воды, и думала о том, как странно устроена жизнь. Пять лет она хранила это чувство в себе, запечатанное, как письмо в бутылке, и надеялась, что оно утонет в глубине её души, превратится в песок и уйдёт. Но оно не ушло. Оно выросло, окрепло и теперь требовало выхода.

— Аня.

Она вздрогнула, услышав знакомый голос, и обернулась. Он стоял под дождём, без зонта, и вода стекала по его тёмным волосам, делая их ещё более глубокими и блестящими. Он был в лёгкой куртке, которая промокла насквозь, и улыбался так, будто дождь был самым прекрасным явлением на свете.

— Максим? — выдохнула она. — Что ты здесь делаешь?

— Я знал, что ты работаешь в этом районе, — ответил он, делая шаг вперёд, под навес. Вода стекала с его лица, и он провёл рукой по волосам, откидывая их назад. Этот жест был таким естественным, таким уверенным, что у Анны перехватило дыхание. — Я ждал тебя.

— Зачем? — спросила она, чувствуя, как её сердце начинает колотиться с новой силой. — Мы не договаривались.

— Я хотел увидеть тебя, — сказал он просто, и в этой простоте было столько искренности, что Анна почувствовала, как защитная стена, которую она так долго строила, начинает трескаться. — Я не мог сидеть дома и ждать. Я должен был увидеть тебя.

Она хотела сказать ему, что это безумие, что он не имеет права вот так появляться, что она замужем, что между ними пропасть, но слова застряли в горле. Вместо этого она смотрела на него, чувствуя, как дождь шумит вокруг, как капли воды падают на асфальт, как мир сужается до одного лишь его лица.

— Иди сюда, — сказала она внезапно, и сама удивилась своему голосу. — Ты промокнешь до нитки.

Она раскрыла свой зонт и сделала шаг к нему, накрывая их обоих. Под тканью зонта было тесно — слишком тесно, — и она чувствовала плечом его плечо, его тепло, его запах. Она вдыхала его, и мир вокруг них исчезал, оставаясь лишь на периферии сознания.

— Спасибо, — сказал он, и его голос был тихим, почти интимным. — Ты всегда спасаешь меня от дождя. Помнишь?

Она помнила. Ему было шестнадцать, он попал под ливень и прибежал к ней домой, весь мокрый и счастливый, потому что дождь — это всегда приключение. Она тогда накормила его супом и дала сухую одежду, которая была ему велика. Он смеялся, глядя на свои руки,

утопающие в рукавах её свитера, и она смеялась вместе с ним. Как это было давно. Как это было невинно.

— Помню, — ответила она, и голос её дрогнул. — Ты был таким ребёнком.

— Я больше не ребёнок, Аня, — сказал он, и его рука легла на её плечо, сжимая его. — Посмотри на меня. Пожалуйста.

Она подняла глаза, и в них отразилось всё. Его любовь, его страсть, его терпение, которое граничило с одержимостью. Он смотрел на неё так, будто она была единственным человеком на земле, и это чувство было настолько сильным, что Анна почувствовала, как по спине пробегает дрожь.

— Ты не должен был приходить, — прошептала она, но в её голосе не было убеждённости. — Это слишком рискованно.

— Мне плевать на риск, — ответил он. — Я устал бояться. Я устал ждать. Я устал представлять тебя рядом с ним, когда знаю, что ты нелюбишь его.

Она замерла, и холодная волна пробежала по её телу. Как он узнал? Она никогда не говорила об этом вслух, никогда не жаловалась на Сергея, никогда не позволяла себе даже намёка на то, что её брак был ошибкой. Но он знал. Он видел то, что она так тщательно скрывала от всех.

— Откуда ты знаешь? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Я вижу, как ты смотришь на меня, — ответил он, и в его голосе послышалась едва заметная боль. — Ты никогда не смотрела так на него. Никогда. Я помню, как ты смотрела на меня пять лет назад, когда я уезжал. Ты хотела что-то сказать, но не сказала. Ты боялась. И ты боишься до сих пор.

Анна сглотнула, чувствуя, как горло сжимается от эмоций. Она хотела возразить, сказать, что он всё придумал, что она просто добрый человек, который всегда заботился о нём, но слова не шли. Потому что он говорил правду. Эту горькую, страшную правду, которую она отрицала годами.

— Я не могу, — сказала она, и её голос сорвался на шёпот. — Ты понимаешь, я не могу. Твоя мать, Сергей, вся наша жизнь. Это разрушит всё.

— А то, что у нас есть, — разрушит нас, — ответил он, и в его голосе прозвучала такая сила, что Анна почувствовала, как её ноги подкашиваются. — Я не хочу жить с мыслью, что я мог, но не попытался. Я не хочу сожалеть о том, что никогда не сказал тебе правду.

Он сжал её плечи и развернул к себе, и теперь они стояли лицом к лицу под зонтом, который почти не защищал их от дождя. Капли воды падали на их лица, смешиваясь со слезами, которые Анна не могла больше сдерживать.

— Я люблю тебя, — сказал он, и каждое его слово было как удар молота по стеклянной стене её самообладания. — Я люблю тебя столько, сколько себя помню. Ты была моей первой любовью, Аня. Ты останешься моей последней любовью. Я не могу изменить это. И я не хочу.

Анна закрыла глаза, и в темноте она увидела всё, что было у неё в жизни. Дом, работу, Сергея, их совместные ужины, их редкие разговоры, их молчание. И всё это было серым, плоским, ненастоящим. А он был ярким, горячим, настоящим. И она ненавидела себя за то, что не могла сопротивляться.

— Я боюсь, — прошептала она. — Я так боюсь.

— Я тоже боюсь, — ответил он, и его голос стал мягче. — Но я боюсь потерять тебя больше, чем боюсь всего остального. Я не прошу тебя принимать решение сейчас. Я просто прошу тебя позволить мне быть рядом. Позволить себе чувствовать.

Она открыла глаза и посмотрела на него. Вода стекала по его лицу, но она видела, что он не замечает этого. Он видел только её. Она медленно подняла руку и коснулась его щеки, чувствуя, как его кожа горяча под её пальцами. Он закрыл глаза, и она видела, как по его лицу пробегает судорога — почти боль от этого прикосновения.

— Максим, — сказала она, и её голос был едва слышен. — Я не знаю, что делаю.

— Просто следуй за своим сердцем, — ответил он, открывая глаза, и в них была такая надежда, что у Анны сжалось сердце. — Позволь себе быть счастливой.

Она стояла на границе, между правильным и неправильным, между долгом и желанием, и чувствовала, как мир рушится вокруг неё. И в этом хаосе она видела только его. Его глаза, его улыбку, его руки, которые держали её так бережно, будто она была чем-то бесценным, что можно разбить в любой момент.

Она сделала шаг навстречу, и их тела соприкоснулись, влажные, горячие, дрожащие. Она чувствовала, как её грудь прижимается к его груди, как его руки скользят по её спине, притягивая её ближе. Она слышала его дыхание, чувствовала биение его сердца, и это было похоже на чудо — на то, чего она никогда не смела просить у судьбы.

— Я не могу обещать тебе ничего, — прошептала она, уткнувшись лицом в его плечо. — Я не могу обещать, что всё будет хорошо. Но я могу обещать, что я здесь. Прямо сейчас. С тобой.

Он сжал её в объятиях, и она чувствовала, как его дыхание сбивается, как его сердце колотится о её грудную клетку. Дождь лил вокруг них, но им было всё равно. Они стояли под зонтом, который почти не спасал от воды, и мир вокруг них сузился до одного мгновения. До этого мгновения.

— Этого достаточно, — сказал он, и его голос был полон той уверенности, которую она так искала в себе. — Этого более чем достаточно.

Они простояли так несколько минут, пока Анна не почувствовала, что её ноги начинают замерзать. Она отстранилась, и Максим посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Тебе нужно переодеться, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты весь мокрый. Поехали ко мне. Я дам тебе сухую одежду.

Он улыбнулся шире, и в его улыбке было что-то такое, что заставило её сердце снова пропустить удар.

— Ты уверена? — спросил он. — Я не хочу создавать тебе проблемы.

— Сейчас уже поздно о чём-то беспокоиться, — сказала она, и улыбнулась в ответ. — Ты создал их уже тем, что появился здесь. Поехали.

Она взяла его за руку, и они пошли к её машине. Внутри было тепло, и Анна включила печку на полную мощность, чтобы он мог согреться. Она смотрела, как он вытирает лицо, как его пальцы расстёгивают мокрую куртку, как он выдыхает облачко пара в холодном воздухе салона. И внутри неё всё пело от какого-то странного, почти болезненного чувства.

Когда они подъехали к её дому, Анна почувствовала, как в груди начинает расти волнение. Сергей был на работе — она знала это, — но всё равно ощущение опасности не покидало её. Она открыла дверь ипустила Максима в свою квартиру. В её дом. В её жизнь.

Она дала ему полотенце и сухую футболку — старую, Сергея, — и он переоделся в ванной. Когда он вышел, Анна замерла, глядя на него. Футболка была ему мала, обтягивала плечи и грудь, и она видела контуры его мышц, его сильного, тренированного тела. Она сглотнула, чувствуя, как по телу разливается тепло.

— Спасибо, — сказал он, проходя на кухню. — Чай? Кофе?

Она кивнула, не доверяя своему голосу. Он налил им чай, и они сели за стол друг напротив друга. Между ними было расстояние в полметра, но Анна чувствовала его присутствие так остро, будто они сидели вплотную.

— Я не знаю, что будет завтра, — сказал он, глядя на неё поверх кружки. — Но я знаю, что сегодня я счастлив.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько всего — страх, надежда, любовь, отчаяние. Она чувствовала себя так, будто стоит на краю обрыва, и только его взгляд удерживает её от падения.

— Я тоже, — тихо сказала она.

Когда он ушёл, Анна сидела на диване и смотрела на пустую кружку, оставшуюся от него. Она чувствовала его запах на своей одежде, его тепло на своей коже, его дыхание на своих губах. И она знала, что это только начало. Что она переступила черту, и пути назад больше нет.

Она подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Женщина в отражении казалась ей чужой — с блестящими глазами, с румянцем на щеках, с той странной улыбкой, которая появлялась на её лице, когда она думала о нём. Она провела пальцами по губам, чувствуя, как они всё ещё горят от невысказанных слов и неслеланных поцелуев.

Она вспомнила, как он смотрел на неё, когда она стояла в дверях, провожая его. Как его рука задержалась на её руке чуть дольше, чем нужно. Как он прошептал: «Я вернусь».

И она знала, что он вернётся. Что они оба знали: это только начало.

Анна выключила свет и легла в постель, слушая, как стучит дождь за окном. Она закрыла глаза и позволила себе провалиться в сон, где не было правил, не было обязательств, не было никого, кроме них двоих. И в этом сне она была счастлива.

Глава 3. На грани

Она не спала всю ночь, ворочаясь с боку на бок и чувствуя, как простыни л

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.